

ГЛАВА 1

— Само в руки приплывает лишь дерьмо, за жемчугом придется нырять...

Я выронила из рук кисточку для нанесения румян и нагнулась за ней, случайно задев локтем даму не самого юного возраста, которую при помощи макияжа почти превратила в Джульетту.

— Надеюсь, ты не собираешься накладывать мне грим дрянью, которая побывала на грязном паркете? — тут же спросила она с недовольным видом.

— Конечно, нет, Розалия Марковна, — смиренно ответила я.

Актриса скривилась так, словно хлебнула уксуса, и повторила:

— Само в руки приплывает только дерьмо, за жемчугом приходится нырять. Когда в театр приглашают первую попавшуюся девицу-неумеху, то не стоит ожидать, что она тебя искусно загримирует. Но Льву Яковлевичу не хочется лишний раз напрягаться, чтобы найти первоклассного специалиста. Да и денег ему жалко, практикантке-то можно платить копейки. Где француз? Мне обещали, что со звездами будет работать... мм... д'Артаньян или как там его зовут. И что? Сегодня я увидела не пойми кого. Девушка, вы займетесь наконец моими глазами?

— Предпочитаете более яркий макияж? — осторожно поинтересовалась я.

Дама воздела руки к потолку:

— О, боги Эллады, пожалейте Елену Прекрасную! Впрочем, я сейчас Елена Ужасная. Оказывается, с помощью неумелого макияжа можно испортить даже мое красивое лицо. Где металлические тени?

— Металлические? — удивленно переспросила я.

— Золотые, похожие на лак, — неожиданно мирно уточнила скандалистка. — Вчера Светка Мускатова с такими появилась, и наивная публика устроила ей овацию. Вот никак не пойму, почему Лев Яковлевич эту лошадь к нам в театр пригласил. За каким дьяволом он Светлану в «Небеса» привел и дает ей роли? Чем эта бездарь пленила нашего хозяина и главного режиссера? Возится с ней на репетициях, как курица с яйцами. А чего стоит эта Ольга Таткина, дура-костюмерша, тоже из новеньких... Полная идиотка, все путает, никогда вовремя наряд для спектакля не принесет! Хорошо еще, Таткина на сцену не лезет, хотя твердит, что хочет стать актрисой. Господи, спаси нас от подобных кривляк! Мускатова глупа и бесталанна, не умеет ни говорить, ни двигаться, аплодисменты ей на премьере «Ромео и Джульетты» достались исключительно благодаря мастерству гримера. Конечно, Светку-то размалевал д'Артаньян, а я стала жертвой его сто пятьдесят девятого подмастерья с двумя левыми руками. О, боги Эллады, почему вы так жестоки к Дездемоне?

Я не смогла удержать смешка. Розалия Марковна недавно отметила тридцатипятилетие. Не знаю, сколько лет гримзе на самом деле, но по внешнему виду все семьдесят, и с возрастом память вздорной мадам стала давать сбои. Фраза «О, боги Эллады» взята ею из какой-то драмы, посвященной Древней Греции, а вот Дезде-

мона — главная героиня пьесы Шекспира «Отелло». Бедная, задушенная ревнивым супругом жена никак не могла жаловаться на немилость Зевса, Афины и иже с ними.

— Что вы нашли забавного в моих трагичных справедливых словах? — мигом обозлилась Розалия. — Смех без причины признак дурачины, любезная.

— Франсуа Арни не работал со Светланой, — возразила я. — К сожалению, главный креативный стилист фирмы «Бак» заболел гриппом.

— Кто? — заморгала прима.

— Д'Артаньян слег с температурой, — пояснила я.

— Вот уж необходимая информация! — возмутилась звезда театра «Небеса». — Мне без разницы, что произошло с каким-то гримером, не царское это дело знать о насморке, который он подцепил. Немедленно бегите к своему шефу и скажите: «Великая русская актриса Розалия Глаголева-Мирская-Багратион требует, чтобы с ее лицом работал человек, превративший крокодилю морду Светланы Мускатовой, способной демонстрировать на сцене только свои убогие сиськи, в ангельски прекрасный лик». Ну что стоите? Рысью, девушка! Приказы ведущей актрисы, на которой держится весь репертуар театра, выполняются сразу же после их озвучивания.

Я постаралась сохранить внешнее спокойствие.

— Мускатову гримировала я, Арни никогда ею не занимался. Вот уже месяц, как именно я работаю со всеми артистами. И с вами тоже.

Розалия поджала губы.

— Немедленно положите мне на веки золотые лачковые тени.

Мне совсем не трудно выполнить желание скандалистки, да только она с таким раскрасом будет по-

хожа на оживший кошмар кладбищенского сторожа. Вздорная актриса не вызывала у меня добрых чувств, но профессиональная гордость не позволяла сотворить на лице мегеры ужас.

Я прислонилась к столику, заваленному коробками с косметикой, и попыталась объяснить:

— Лак на веках имеет обыкновение скатываться, забиваться в морщины, что визуальнo старит лицо. Кроме того, после... э... тридцати разумнее избегать излишне яркого макияжа, даже работая на сцене. Лучше осветлить...

— Морщины? — заорала Розалия. — У меня?

Я поняла, что ляпнула глупость, и кинулась ее исправлять:

— Человек рождается со складкой на верхнем веке, которая вовсе не является признаком возраста...

Скандалистка вскочила, движением руки смела на пол штук десять палеток с тенями и румянами, раздавила их и ринулась вон из гримуборной. Когда синяя от злости актриса подлетела к двери, та распахнулась, и на пороге появилась пожилая дама в фиолетовом платье. Розалия и не подумала уступить дорогу. Она, чуть не сбив гостью с ног, выскочила в коридор и с воплем «Лева! Лева!» — кинулась в кабинет главного режиссера.

— Маме-медведице забыли предложить мед на завтрак? — весело спросила актриса Иратова, переступая порог. — Чем ты ее, Степонька, разозлила? Хотя это глупый вопрос. Розе, чтобы взлететь ракетой, особого повода не требуется.

— Здравствуйте, Софья Борисовна, — сказала я, — рада вас видеть. Жаль, что Лев Яковлевич не дал вам роли в новой постановке, я бы вас загримировала.

— О, слава богу, душенька, что я в «Ромео и Джульетте» не занята. Кого мне там играть? Мое амплуа —

комическая старуха, а не юная героиня, — ответила актриса.

Я присела на корточки и стала собирать обломки палеток. Не так давно я, Степанида Козлова, училась в педагогическом вузе, сдавала экзамены по зарубежной литературе. И конечно, проштудировала всего Шекспира. Я отлично помню, что Джульетте было четырнадцать, ее матери подкатывало к тридцати, а кормилице едва исполнилось сорок. В шестнадцатом веке люди рано умирали, поэтому, вступив в возраст, который в наши дни называется подростковым, считались уже взрослыми людьми. Роль Джульетты обычно дают молодой актрисе, и меня удивляет, что Лев Яковлевич Обоймов, главный режиссер театра «Небеса», поручил Глаголевой изображать юную влюбленную. На мой взгляд, Розалии больше бы подошла роль одной из трех ведьм в бессмертной трагедии «Макбет».

— Душенька, у меня к тебе просьба, — сказала Софья Борисовна.

Я выпрямилась:

— Для вас что угодно!

— Ой, милая, это опасное заявление, — засмеялась актриса и достала из кармана юбки тюбик. — Пожалуйста, попытайся сделать так, чтобы Иван Сергеевич воспользовался перед сегодняшним спектаклем этим средством.

Я удивилась:

— Что это?

— Гель для фиксации зубных протезов, — смущенно пояснила Иратова.

Я машинально взяла упаковку, увидела, что название написано иероглифами, и повторила:

— Гель для фиксации зубных протезов? Мне надо

вручить его Ивану Сергеевичу Ключеву, который сегодня играет Ромео?

— Верно, солнышко, — кивнула Софья Борисовна. — Сейчас все объясню. Ваня вчера получил от стоматолога новые челюсти. Прежние-то он сломал, вцепился ими в жесткое яблоко и — готово. Вот уж верно говорят, старый, как малый, ума совсем нет. Я ему сто раз твердила, что с пластиковыми клыками аккуратней надо обращаться, а он в ответ вечно шипел: «Отстань! Почему ты решила, будто у меня своих зубов нет?»

— А и правда, почему? — воскликнула я. И тут же прикусила язык, подумав, что бестактно задавать этот вопрос.

Софья Борисовна засмеялась:

— Ах ну да, ты же, душенька, небось не в курсе... Мы ведь с Иваном десять лет в законном браке прожили, и он еще тогда перед сном обе челюсти в стакан клал. Сомневаюсь, что после нашего развода что-либо изменилось.

Я попыталась отказаться от ее поручения.

— Отчего вы сами к Ключеву не подойдете? Мне это не очень удобно. Иван Сергеевич может обидеться, если к нему ни с того ни с сего подскочит посторонняя девица и предложит это средство.

Софья Борисовна криво улыбнулась:

— Ваня хорош собой, талантлив, добр, щедр, но, к сожалению, не умен. И главное, привык за годы нашей совместной жизни рассчитывать во всем на меня. Пять лет назад мы расстались, он ушел к молодой красотке. Я его предупреждала: «Милый, одумайся!» Но нет, ударила дурачку страсть в голову. Или, вернее, пониже пояса. Живет теперь Ванечка в большой семье: супруга, теща, тесть, кузены, кузины. Никто из них не работает, все сидят у Ключева на шее. Ну и, конечно, очень ему

хочется юным казаться. Этаким зеленым горошком. Моих советов он не слушает. Прямо как глупый подросток, готовый с матерью спорить по любому поводу только потому, что та ему самый близкий, родной человек. Если я ясным солнечным утром воскликну: «Ах, какой чудесный день!» — Иван живо закричит: «С ума сошла? Альцгеймер подцепила? Ночь на дворе!» Он нынче при каждой возможности говорит окружающим, что его бывшая супруга Соня дряхлая баба-яга, а он — белый лебедь. Смешно, право... Стоматолог у нас один, он намедни мне позвонил и предупредил: «Соня, внуши глупцу, что заказанные им протезы плохо держатся. Надо было делать те, что я ему рекомендовал. Но они на порядок дороже, а с Ваней его новая фифа заявила и все талдычила: «Зачем много платить? И так сойдет. Орехи мужу не грызть, деревья не точить, он не белка и не бобер».

Софья Борисовна перевела дух и продолжила:

— Дантист мне гель дал. Я, старая дура, действительно чувствую ответственность за Ваню. Десять годов совместной жизни со счетов не сбросишь. Вот и волнуюсь. Протезы-то, что называется, с пылу, с жару, позавчера получены, а сегодня Иван в них впервые играть собрался. А ну как челюсти потеряет? Ты, Степа, девочка умненькая, придумай, как болвану объяснить: раз уж попалась ему жадная жена, пусть посадит свои дешевые пластмассовые зубы на качественный японский гель. Тебе, наверное, кажется странным, что я о бывшем муже забочусь? Но нас многое связывает, есть общие воспоминания. Ну, например, как мы вместе пришли сюда, в «Небеса». Было столько надежд! Нас, ветеранов, с кем Лев Яковлевич театр создавать начинал, всего трое осталось: мы с Иваном Сергеевичем да Гриша Ершов.

— А Розалия Марковна? — полюбопытствовала я. Иратова улыбнулась:

— Глаголева позже появилась. И сразу велела себя прямой величать. Я думала, она у нас надолго не задержится, ан нет, укоренилась. А вообще-то в театре большая текучка. Вот не так давно Обоймов Светлану Мускатову взял. Талантливая актриса... Ой! Телефон!

Софья Борисовна выхватила из кармана мобильный.

— Петяша, ты где? Мама уже бежит...

Продолжая разговаривать с сыном, Иратова выскочила в коридор. Я опять присела и принялась собирать раздавленные палетки.

Наверное, настало время объяснить, каким образом я, правая рука Франсуа Арни, главного креативного стилиста косметической фирмы «Бак», и одновременно его самая любимая мордочка для раскрашивания, очутилась за кулисами театра «Небеса» в роли гримера. Что меня сюда занесло?

ГЛАВА 2

Полгода назад Франсуа прибежал к Роману Глебовичу Звягину, владельцу холдинга «Бак», с предложением поучаствовать в неделе театра, которую устраивает парижский союз любителей Шекспира. У Франсуа море приятелей по всему миру, и один из них, Йон Касти, является отцом-основателем вышеупомянутого сообщества, в членах коего состоят приятные, однако не имеющие ни малейшего отношения к искусству люди, в основном владельцы мелкого бизнеса. Сам Йон имеет несколько обувных магазинов и очень хочет, чтобы придуманная им неделя театра обрела статус международной.

Если честно, то сие мероприятие следовало бы называть «Неделей самостоятельных коллективов», потому что фанаты английского драматурга ставят спектакли, роли в которых исполняют непрофессиональные актеры. В позапрошлом году для участия в акции приехали три французских коллектива. Рыбаки из Марселя играли «Сон в летнюю ночь», парикмахеры из Лиона замахнулись на «Гамлета», а ассоциация водопроводчиков Версаля показала «Ричарда Третьего». Йон оповестил о событии все парижские газеты, разослал приглашения, но пресса дружно проигнорировала мероприятие, ни в одном средстве массовой информации не появилось даже пары строк о Неделе. Ясное дело, ее участники и организаторы расстроились. Тем не менее энтузиасты решили не сдаваться. Даже задумали объявить следующую неделю международной. Касти понадобилась зарубежная труппа, которая приедет в Париж со своей постановкой. Он почесал в затылке и позвонил Арни с просьбой:

— Дорогой, найди в России какой-нибудь театр с пьесой Шекспира в репертуаре и от имени нашего общества пригласи его поучаствовать в Неделе. Но учти, денег у нас не густо, оплатить перелет Москва — Париж — Москва мы не сможем. Питаться актеры тоже будут за свой счет, и визы добывать самостоятельно. А вот на гостиницу им тратиться не придется, один из членов союза поселит гостей в принадлежащем ему общежитии для гастарбайтеров.

— Пока все, что ты рассказал, звучит непривлекательно, — констатировал Франсуа.

А Касти продолжал уговоры:

— Ты недослушал. Мы сделаем подарки, российские актеры смогут выбрать и бесплатно получить одежду, обувь, косметику. Естественно, в магазинах,

находящихся в собственности членов нашего союза. Еще я организую экскурсии по музеям. И самое главное: справедливое и беспристрастное жюри присудит гостям из России Гран-при, театр получит возможность в дальнейшем писать на своих афишах, что является победителем конкурса «Неделя Шекспира в Париже».

— Ладно, я попробую найти труппу, — согласился наконец Арни и попрощался с Йоном.

Затем он помчался к Звягину. У общительного сверх меры Франсуа сразу родилась идея предложить поездку одному из своих московских приятелей, Льву Яковлевичу Обоймову, главному режиссеру коллектива «Небеса».

Вы слышали о таком театре? Я — нет. Но главное, что о нем знал наш Арни, активности которого могут позавидовать все электрические веники земного шара. Я имею в виду новомодные роботы-пылесосы.

Франсуа изложил Роману свой план.

— Фирма «Бак» выступит спонсором поездки, а за это получит от парижан Гран-при за макияж.

— А что, есть такая номинация в конкурсе? — удивился Роман.

— Нет, но общество любителей Шекспира быстро ее создаст, — пообещал Арни. — Вам дадут хрустальный кубок.

И дело завертелось. Прежде всего Обоймов в кратчайшие сроки поставил спектакль «Ромео и Джульетта». Сегодня состоится его второй показ в Москве, а в конце лета «Небеса» отправятся в город любви и духов. Фирма «Бак» объявлена спонсором поездки и всей постановки. В театре используются только наши средства, а гримировать актеров должны Арни и я.

Йон Касти потирал руки, члены союза ликовали, предвкушая статьи в прессе. Все шло хорошо, и в про-

шлую среду, пожалуй, впервые после основания театра, случился аншлаг, пришлось даже вносить дополнительные стулья. Пиар-отдел «Бака» постарался на славу, отправил журналистам приглашения с текстом: «Театр «Небеса», участник предстоящей международной Недели Шекспира в Париже, будет рад видеть вас на спектакле «Ромео и Джульетта». По окончании его вас ждут показ мод, фуршет и ценные подарки от фирмы «Бак», спонсора постановки».

Журналисты примчались плотной толпой и в предвкушении дармового ужина и пакетов с косметикой не заметили, что Джульетта, мягко говоря, далеко не юная девушка, а Ромео изрядно потрепан жизнью.

Очень довольный удачной премьерой Франсуа вернулся домой, а утром не смог подняться с постели — его внезапно свалил грипп. Остается лишь гадать, где Арни в июне умудрился подцепить вирус. Поэтому сегодня мне пришлось самой гримировать капризную Розалию Марковну. А теперь еще просьба от Софьи Борисовны... Правда, Иратова, в отличие от Глаголевой, очень милая дама.

Уже целый месяц я прихожу в «Небеса» и обучаю местных гримерш Лену и Олю искусству макияжа. Девочки они приятные, но неумелые, поэтому пришлось начинать с азов. А все актрисы, даже те, кто не занят в «Ромео и Джульетте», услышав, что к театру временно прикреплены специалисты фирмы «Бак», стали требовать, чтобы их готовили к выходу на сцену Арни и Козлова. И тут я столкнулась с большой проблемой.

Ни одна профессиональная манекенщица не станет спорить с визажистом, указывать ему, как лучше выделить ее глаза, и капризничать из-за якобы не подходящего цвета помады. Сегодня мир моды не терпит истеричек. Не нравится тебе нарисованное лицо? По-

шла вон! За дверью топчется очередь из девушек, готовых на все ради контракта с известной фирмой. Да, в середине двадцатого века, даже в восьмидесятых, «вешалки» могли поскандалить или бросить фразу: «Да я меньше, чем за десять тысяч долларов, не поднимусь с дивана!» Но те благословенные времена миновали, сейчас никто не станет сюсюкать перед девицей, у которой нимб зацепился за рога. Устроишь один раз визажисту разнос, и все, телефон замолчит, на показы приглашать перестанут. Нынче фэшн-бизнес живет по принципу «незаменимых моделей нет».

Поэтому я, приученная к послушанию тех, кто садится передо мной в кресло, спокойно приступила к работе над лицом Глаголевой. Начала накладывать ей тон и вдруг услышала недовольный голос:

— Так не хочу! Возьми розовый!

Одного дня мне хватило, чтобы понять: Розалия скандальна и, увы, ничего не понимая в макияже, отчаянно уродует себя. Хотите пример? Пожалуйста! У нее обесцвеченные до пронзительно-белого цвета волосы длиной чуть ниже ключиц и косая челка, прикрывающая один глаз. Челка меня не раздражает, а даже радует: хорошо, что она камуфлирует хоть одно собственноручно и вульгарно накрашенное дамой око. Ну почему бы госпоже Глаголевой не сделать элегантную стрижку и не придать волосам медовый оттенок? Она сразу стала бы выглядеть моложе. Кроваво-красная помада, румянец цвета взбесившейся клюквы, кислотно-голубые тени на веках и ресницы, покрытые сантиметровым слоем туши, не улучшают положения. Чем старше человек, тем незаметнее должен быть макияж. Но Розалия Марковна по сию пору считает себя юной чаровницей, и без слез смотреть на нее невозможно. К сожалению, прима театра «Небеса» принадлежит к категории людей,

которые любой профессиональный или просто добрый совет воспринимают как оскорбление.

Вот Софья Борисовна Иратова диаметрально противоположность Глаголевой, она подошла ко мне и попросила:

— Душенька, сейчас в парфюмерных магазинах столько всего! А моя молодость прошла во времена пудры «Кармен» и туши в пластиковой коробочке, куда перед тем, как взять щетку, смахивающую на зубную в миниатюре, приходилось от души поплевать. Ты небось с такими средствами не сталкивалась.

— Никогда не видела, но слышала о них от своей бабушки, — улыбнулась я.

— Современной молодежи повезло, — подхватила актриса, — а мне привалила удача хоть на старости лет порадоваться качественной косметике. Сделай одолжение, объясни, что мне лучше купить и как этим пользоваться.

Понятное дело, на следующий день я притащила Иратовой чемодан подарков от фирмы «Бак» и показала, какой макияж ей подойдет днем, вечером и так далее.

— Разбила наборы? — прозвенел над ухом резкий дискант.

Я подняла голову, точно зная, что сейчас увижу Светлану Мускатову. Она одна разговаривает таким визгливо-металлическим голосом. Актриса передвигается совершенно бесшумно, она маленькая, худенькая, со спины смахивает на подростка, умудряется подкрасться к вам незаметно и оглушить вопросом. Сколько ей лет? Полагаю, тридцать пять — сорок, навряд ли больше.

— Помочь? — спросила Света.

Я выпрямилась:

— Спасибо, уже все.

Мускатова округлила глаза:

— Там Роза кабинет Левы разнесла. Требовала твоего увольнения. Знаешь, что ей наш царь заявил?

Я выбросила в корзинку остатки палеток.

— Даже не догадываюсь.

Актриса шлепнулась в стоящее у зеркала кресло.

— Передаю речь Левки дословно. «Если тебе не нравится Степанида, я попрошу ее более тобой не заниматься. Выгнать Козлову я не имею права, она в театре не работает. Имей в виду, Степа — любовница самого Звягина, владельца фирмы «Бак», нашего щедрого спонсора, олигарха, миллиардера. Вот шепнет она своему папику на ушко: «Рома, меня в «Небесах» обидели», и кирдык, не будет нам ни Парижа, ни премьеры «Отелло» в будущем сезоне. Ведь Звягин намерен после этой Недели Шекспира помочь нам с постановкой «Отелло». Ты же знаешь, какой там безумный реквизит, он стоит бешеных бабок. У Дездемоны восемь костюмов! Или ты хочешь играть жену Отелло в рубище? Понимаешь ведь, что нужны деньги?» И ушла от него Розалия тихая-тихая. А ты правда со Звягиным спишь?

Я сделала вид, что роюсь в гримкофре.

Многие сплетни на редкость живучи. Мы с Романом близкие приятели, но никаких интимных отношений у нас с ним и в помине не было. Да, одно время я была влюблена в Звягина, но потом нежное чувство сошло на нет, а вот дружба осталась. Кстати, он сейчас счастливо женат. Его пасынок Антон, которого молва тоже объявляла моим любовником и женихом, обзавелся семьей в один день с отчимом. Если послушать сплетни, я просто роковая женщина, ухитрившаяся спать одновременно со всеми представителями семьи Звягиных.

Честно говоря, я думала, что народ уже перестал чесать языки на мой счет и старые истории давно никому

не интересны¹, но, оказывается, они на рысках доскакали до театра. Интересно, кто распускает эти слухи? В «Небесах» работаем только мы с Франсуа, а он никогда не станет судачить обо мне, ему это совершенно не нужно. Вот о Шупетт, кошке великого модельера Карла Лагерфельда, он вам сообщит все, назовет фирмы, которые изготовили для нее домики, ошейники и прочее. Шупетт имеет вес в фэшн-мире, а кто такая Козлова? Нет, Франсуа ко мне прекрасно относится, но я простой визажист, мне далеко до гуру моды и его любимицы из семейства кошачьих.

— Хорошо иметь под боком мужчину, который может решить все твои проблемы, — продолжала Светлана. — Степа, а у твоего приятеля случайно нет друга, которому нужна прекрасная во всех отношениях женщина?

От ответа меня спас резкий дребезжащий звук, долетевший из коридора.

— Ой! Предварительный звонок! — подпрыгнула Светлана. — До начала осталось двадцать минут, а я не одета! Представляешь, Ольга сегодня уродскую юбку и блузу кормилицы в мою гримерку не принесла, придется в костюмерную бежать. Кстати, Таткина и в прошлый раз не почесалась. Клюеву, Розе, Григорию Семеновичу все разложила, а на мой вопрос, где костюм, рожу скорчила: «У меня всего две руки. Ничего, не развалишься, если сама на склад смотаешься». Натуральную истерику устроила, рыдала, твердила: «Я не подавальщица, я актриса, не обязана капризы Мускатовой исполнять». Вот здорово! Если нанялась костюмер-

---

¹ Историю знакомства Степы со Звягиными и того, как Козлова подружилась с Романом, читайте в книгах Дарьи Донцовой «Живая вода мертвой царевны» и «Женихи воскрепают по пятницам», издательство «Эксмо».

шей, то должна заниматься одеждой и аксессуарами. Не нравится? Увольняйся. Понятное дело, Ольга всем, кто на сцену выходит, завидует, но надо же как-то бороться с демонами в душе. Вчера вечером она во всеуслышание заявила: «Завтра Мускатова сама за костюмом пойдет. Я ее обслуживать не стану. Опять, наверное, корзинку забудет и на выход опоздает». Ну да, на первом представлении я очень нервничала, поэтому не вспомнила про котомку, с которой кормилица появляется. Хорошо, за минуту до выхода спохватилась. Помчалась за ней, аж пятки дымились! Чуть Софью не сшибла. Потом пришлось извиняться и сослаться на свою дырявую память. А ты заметила, что Таткина никогда людям в глаза не смотрит? Вечно в сторону косится. Надеюсь, она себе дверью гримвагена пальцы прищемит. Ой, заболталась я совсем!

Я посмотрела вслед умчавшейся Мускатовой.

«Небеса» не богатый коллектив, со сценической одеждой у них туго, поэтому Роман Глебович приобрел для спектакля «Ромео и Джульетта» роскошные наряды. Платье Джульетты, камзол Ромео и прочее доставили на склад театра три недели назад, в пятницу. А в субботу, когда костюмерша Оля явилась на работу, обнаружилось, что местные крысы прогрызли бархат, парчу, шелк и закусали стразами. Звягину пришлось заказывать костюмы еще раз. Их привезли непосредственно перед премьерой и сейчас держат в так называемом гримвагене, небольшом автобусе, который стоит на заднем дворе.

Костюмер Ольга Таткина должна разносить одежду по примеркам, а после спектакля собирать и прятать ее в вагончике. Однако Таткина недолго любит Мускатову и не упускает возможности сделать той пусть маленькую, но гадость. Оля постоянно подчеркивает, что

Света не звезда, поэтому ее очередь последняя. К сожалению, за кулисами «Небес» много склок и интриг.

Хорошо, что я не актриса! Вот сейчас, когда до начала спектакля осталось всего ничего, я могу не нервничать, а спокойно попить чаю, до антракта меня оставят в покое.

Я хотела достать из шкафчика пачку фруктового напитка, но тут взгляд упал на белый тюбик с иероглифами. Ой, совсем забыла о просьбе Софьи Борисовны! Надо взять гель для зубных протезов и отправиться на поиски Клюева.

ГЛАВА 3

Пока я бегала за кулисами, пытаюсь выяснить, куда подевался Иван Сергеевич, прозвенели все звонки для зрителей.

— Первый акт начинается, — прокашляло местное радио. — Лоренцо, где Лоренцо?

Я остановилась за центральным задником, положила тюбик на круглый столик, где лежала куча всякого хлама, прильнула к небольшой щели между полотнищами и стала рассматривать сцену.

Лев Яковлевич не любит, как он говорит, «замшелую классику», поэтому сделал из пьесы Шекспира нечто современное, оригинальное. А на мой взгляд, это отвратительно. Бедняга Вильям, наверное, в гробу переворачивается. Драматург никак не предполагал, что первое действие начнется со сцены смерти юных возлюбленных и весь сюжет потечет в обратном порядке. Еще режиссер усердно поработал над текстом, и теперь на афише напечатано: «Пьеса В. Шекспира и Л. Обоймова». Узнай создатель «Ромео и Джульетты» о таком соавторстве, он бы точно не запрыгал от счастья. И не

пришел бы в восторг от того, что герой разъезжает по авансцене на велосипеде, а его возлюбленная, щелкая артритными коленями, бегаёт среди декораций с живой кошкой в клетке. Киску зовут... Меркуцио, именно она лучший друг Ромео, а текст за персонажа произносят по радио.

Но я отвлеклась, на сцене уже разворачивалось действие.

— Милый, — проворковала Розалия, останавливаясь посреди подмостков, — ты жив?

— Да, свет моей души! — патетически воскликнул Ключев и, осторожно сойдя с велосипеда, изобразил поклон. — Чем займемся?

— Может, поиграем на айпаде? — предложила Джульетта.

Зал дружно рассмеялся.

— Вот чушь собачья, — шепнул за моей спиной мужской голос.

Обернувшись, я увидела Григория Семеновича Ершова в гриме Лоренцо.

— Я о тексте, — уточнил актер. — Несчастный Шекспир... Увы, великий драматург не может защитить свои произведения от таких идиотов, как Левка.

Взгляд его переместился на столик.

— Это что?

— Гель, — ответила я.

— Хороший? — заинтересовался Григорий Семенович.

— Вроде да, — буркнула я, думая, как уговорить Ключева воспользоваться этим средством.

— Небось вреден для кожи, — вздохнул Ершов.

— Нет, он предназначен для зубных протезов, — не отрываясь от сцены, уточнила я. И услышала:

— Китайская дрянь. Одни иероглифы.

— Это японское производство, — возразила я. — Гель не мой, это собственность Иратовой.

— Значит, суперская штука, — закричал Ершов, — Сонька дерьма не возьмет.

Я не стала продолжать разговор, опасаясь пропустить момент, когда Клюев покинет сцену. Минут через десять наш Ромео пройдет за кулисы, распахнув центральный задник, и окажется около меня. Тут-то я и передам ему тубик, озвучив просьбу Софьи Борисовны. Джульетта в этот момент будет петь песню о любви, у Клюева хватит времени, чтобы смазать искусственные челюсти. Потом он вернется на сцену, а я со спокойной совестью и чувством выполненного долга отправлюсь пить чай и звонить Никите Маслову, который разрабатывает дизайн-проект ремонта моей новой квартиры...

— Угостить тебя пирожком? — кокетливо спросила Джульетта у Ромео.

— Лучше сорву поцелуй с твоих уст и буду сыт любовью, — заорал Клюев.

Я поморщилась. Но деваться некуда, придется слушать диалог, не имеющий ничего общего с авторским текстом.

— О нет! Я девушка благородная.

— Любовь не знает границ.

— Пусть так! Но не дам поцелуя без любви.

— А я его сорву.

— Боюсь, боюсь!

— Не страшись, любимая. Хочешь, я тебе спою серенаду?

— Сгораю от желания, Ромео!

— Сейчас, только возьму барабан.

Публика снова заржала.

Послышался тихий скрип, центральная часть сцены повернулась, перед зрителями возникла ударная уста-

новка. Иван Сергеевич бодро вскарабкался на стул и схватил палочки. Из динамиков полетела оглушительная дробь. Зрители забили ладонями в такт, а Клюев старательно изображал из себя Ринго Старра¹ и Ника Мейсона² в одном флаконе.

— Танцуют все! — заорала Розалия Марковна и, выбежав в центр, стала выделявать то рок-н-рольные, то балетные па.

— Танец престарелой лебедки с несмазанными коленями, — съехидничал за моей спиной Ершов. — Роза, не задирай так лихо ноги, еще шмякнешься на задницу! Ну просто вальс Железного Дровосека или канкан бабушки Красной Шапочки...

— Григорий Семенович, — сказала я, — как только Розалия Марковна спляшет, ваш выход. Осталось тридцать секунд. Успеете дойти до левой кулисы?

— Ты не распорядитель спектакля, а кисть с пудрой. Раскомандовалась тут! — разозлился Ершов.

— И, пожалуйста, закрепите шляпу, чтобы не упала, возьмите на столике специальные шпильки, — не обращая внимания на хамство актера, предупредила его я. — А то в прошлый раз цилиндр свалился, едва вы к Глаголевой приблизились.

— Только идиот мог это придумать — надеть на священника такой головной убор! — возмутился Григорий Семенович. — А тебе советую помолчать.

Я вновь сделала вид, что не слышу грубости, и приникла к пыльной кулисе.

Джульетта в этот момент попыталась изобразить ласточку, но потерпела неудачу, покачнулась и с размаху

---

¹ Ринго Старр (Ringo Starr) — барабанщик группы «The Beatles».

² Ник Мейсон (Nick Mason) — барабанщик группы «Pink Floyd».

села на пол. Иван Сергеевич, который терпеть не может Глаголеву, буквально заорал от восторга. В ту же секунду изо рта Ромео выскочили челюсти и отлетели в сторону потерпевшей бедствие Джульетты.

— О, моя дорогая воспитанница, — закричал Ершов, выплывая из-за кулис и явственно хихикая. — Что валяешься тут, аки дохлый кролик?

— Тебя не спросила, — огрызнулась Роза.

Публика сидела смирно.

Что хорошо в авангардных спектаклях? Любой косяк актеров можно представить как режиссерскую находку, и никто ничего не поймет. Потеряй артист зубы во время классической постановки пьесы, народ в зале умер бы от смеха, и на следующий день толпы жаждающих увидеть повторение афронта будут штурмовать кассы. Но если представитель семейства Монтекки разъезжает на велосипеде, а девушка Капулетти отплясывает твист, то летающие протезы и приземление Джульетты на попу никого не удивляют. Значит, так и надо! Но я-то понимаю: бедный Клоев в шоке, а Роза с Григорием несут отсебятину. Причем, поскольку Ершов ненавидит Глаголеву, а та платит ему тем же, диалог явно походит на склоку.

— Тебя поднять, дитя мое? — оскалился Гриша.

— Сама встану, — рыкнула прима, опираясь ладонями о дощатый пол сцены.

Из суфлерской будки высунулась голова и зашипела:

— Ромео уходит! Уходит Ромео! Блин, Ромео, пшел вон! Факинг Ромео! Гоу хоум!

Я постаралась не расхохотаться. Ну с какой стати суфлер, он же студент театрального училища и рабочий сцены, решил общаться с Иваном на московском английском?

Ершов-Лоренцо, который тоже слышал отчаянный призыв, решил вмешаться в диалог:

— Ромео, сын мой, тебя ждет стоматолог. Он установил свою бормашину в замке герцога.

Розалия, умудрившаяся встать на ноги, наступила на валяющуюся на полу челюсть — раздался характерный звук ломающейся пластмассы — и бормотнула:

— Что за дрянь тут валяется...

Потом сделала еще шагок. Под подошву попала нижняя часть протеза, заскользила по полу, и актриса, взмахнув руками, снова приземлилась на задницу.

— Говорили нашей киске, не пей до дна виски, — заявил Ершов.

Зал захохотал в едином порыве.

Гогот вышиб оцепеневшего Клюева из ступора. Ромео вскочил и ринулся за кулисы. Я едва успела отскочить в сторону и сама чуть не упала, наступив на нечто мягкое.

— Ох, прямо на мозоль... — простонал чей-то голос.

Я повернулась и поняла, что стою на ступне Софьи Борисовны, обутой в домашнюю тапочку красного цвета. Отдернула ногу, хотела попросить прощения, но не успела раскрыть рта — Иратова схватила Клюева за руку и разразилась упреками:

— Ваня! Врач же предупреждал, что протезы никому дышны. Я тебе десять лет в уши дудела, что нельзя экономить на двух вещах: на здоровье и на отдыхе. Но ты упорный идиот!

Иван Сергеевич попытался отцепиться от бывшей жены и сказал:

— Ша шмылу фофи сасша!

Софья Борисовна начала трясти его, приговаривая:

— И что теперь? Как спектакль доиграешь?

Актер замер с полуоткрытым ртом.

— Новая жена, конечно, красавица молодая, но старому дураку помочь неспособна, — продолжала Иратова. — Где сейчас твоя жена? По магазинам ходит? Ох, Ваня, Ваня, натворил ты глупостей, ушел от меня, теперь никому не нужен...

Клюев начал багроветь.

— Отштань! Шука! Шволошь!

— Может, у меня и скверный характер, — неконфликтно откликнулась Софья Борисовна и протянула Клюеву небольшую железную коробочку: — Но если с супругом, даже бывшим, беда случается, я всегда оказываюсь рядом. Возьми, Ваня, тут зубы. Когда мне утром дантист позвонил и предупредил, что твои новые протезы выпасть могут, я испугалась. Тут же вспомнила, как ты в спектакле «Ночь на кладбище» главного героя играл. Тогда система на присосках еще не была готова, и Олег Евгеньевич, спасибо ему огромное, изготовил пластмассовые мосты специально для той роли. Они легко снимались и надевались. Я их не выбросила после того, как пьесу ставить перестали, на всякий случай сохранила. И сегодня с собой прихватила. Сердцем чуяла — приключится с тобой неприятность. Вот, держи, они должны подойти.

Иван Сергеевич открыл коробочку. Я увидела две челюсти и удивилась: какие-то они странные... Вроде зубы как зубы, белые, но что-то с ними не так.

— Где гель? — повернулась ко мне Иратова.

Я схватила со стола тюбик и протянула актрисе. Та открутила колпачок, помазала пластик прозрачным гелем и велела Клюеву:

— Не стой столбом! Твой выход через секунду.

Клюев живо сцапал протезы и, забыв поблагодарить бывшую жену, умчался на сцену, где Розалия уже во всю мощь легких взывала:

— Где он? Где мой Ромео? Где единственный и желанный?

— Уф... — выдохнула Софья Борисовна. — И так всю жизнь. Вечно я перед Ваней соломку расстилаю, боюсь, как бы больно не шмякнуться.

— Хорошо, что вы такая предусмотрительная, — пробормотала я, — старые искусственные челюсти очень сейчасгодились.

Иратова привычным жестом поправила прическу.

— У Ивана смолоду пародонтоз, вот он и потерял все зубы. Нынче можно импланты вставить, но, скажу по секрету, Клюев до одури боится бормашины, только та зажужжит, он чувств лишается. Олег Евгеньевич устал его уговаривать и рукой махнул на дурака. А съемные протезы иногда ломаются. Лет семь назад Лева поставил пьесу «Ночь на кладбище», и за неделю до премьеры Ване приспичило козинаки слопать. Ну и развалились его челюсти! Клюев к дантисту кинулся, а тот руками развел: «Быстро новые не изготовить». Хорошо, я не растерялась, попросила Олега: «Сделай моему идиоту временные, исключительно для сцены, вот только клыки надо...» О господи! Совсем забыла, только сейчас вспомнила!!

Софья Борисовна замерла на полуслове. Я в недоумении смотрела на только что весьма бойко тараторившую Иратову. Что случилось? Почему актриса растерянно моргает?

Со стороны зала понесся гомерический хохот вперемешку с бурными аплодисментами, перетекающими в овацию. Я глянула на сцену через щель в заднике.

Иван Сергеевич стоял лицом к публике, поднимая руки так, как это делают цирковые артисты, удачно исполнив сложный трюк. Розалия Марковна, схватившись за живот и позабыв про клетку с кошкой Мер-

куцио, медленно брела к заднику, где прятались мы с Софьей Борисовной. Мне вдруг показалось, что Глаголевой плохо, у нее приступ холецистита или воспалился аппендикс, но через секунду стало понятно: Джульетта умирает со смеху.

Вообще-то профессиональные артисты приучены к разным непредвиденным, в основном комическим, ситуациям, которые случаются на сцене, а кое-кто нарочно их подстраивает, чтобы разыграть коллегу, поэтому лицедеи никогда не теряются и продолжают играть спектакль, будто так и надо. Но, видно, сейчас произошло нечто экстраординарное, если прима не смогла взять себя в руки. А Лоренцо, пытаюсь спасти положение, сдавленным голосом нес совсем уж ахинею:

— Наш Ромео... он... э... сами понимаете... умер парень от любви, поэтому теперь с ним такое...

— Дайте занавес... — протонала Розалия, заметив нас с Иратовой. — Или нет, пусть выйдет кормилица... Кто-нибудь, уведите Ивана! Ой, не могу! Ой, держите меня семеро! Вот учудил!

Словно услышав слова Глаголевой, Клюев развернулся и побежал к нам. Лоренцо же закричал:

— Кормилица? А ну, давайте, дети, хором позовем ее: «Кормилица, выходи».

— Кормилица, выходи! — завопила публика, совершенно ошалев от того, что трагедия Шекспира превратилась в фарс.

Иван Сергеевич со всего размаха налетел на меня и зло прошипел:

— Нарочно это сделали, да?

— Вы о чем? — оторопела я.

Клюев оскалится, словно злая собака, и я ахнула. А потом постаралась не расхохотаться. Из верхней че-

люсти Ромео торчали... два длинных клыка вампира, испачканных кровью.

— Вот теперь выкручивайтесь, как хотите! — гаркнул Иван Сергеевич. — Я на сцену не пойду! Баста!

Резко повернувшись на каблуках, актер умчался в коридор, ведущий в служебные помещения.

Я перевела взгляд на Софью Борисовну.

— Да, да, я совсем забыла, — промямлила Иратова, — что в постановке «Ночь на кладбище» Ваня играл Дракулу. Я попросила Олега сделать ему челюсть с вампирскими зубами, они были предназначены исключительно для того спектакля. О, господи, Ромео-крово-пейца... Что теперь делать?

— Горим! — истерично завопили из темноты. — Пожар! Спасайтесь! Выводите публику!

ГЛАВА 4

На следующий день в районе полудня я сидела в кабинете Льва Яковлевича и отвечала на вопросы парня, который, несмотря на теплый июнь, вырядился в шерстяной пуловер и шерстяные брюки. Последние были в пятнах и сильно измяты.

— Значит, по сути пожара вы ничего сообщить не можете? — сердито поинтересовался дознаватель.

— Нет, Егор Михайлович, — вежливо ответила я, — когда полыхнул гримваген, я находилась за сценой.

Бочкин постучал тупым концом шариковой ручки по столу.

— А откуда вы знаете, во сколько вспыхнул огонь? Назовете точно час и минуты?

— Конечно, нет, — возразила я, — просто в тот момент, когда кто-то закричал про пожар, я стояла вместе с Глаголевой, Ключевым и Иратовой у задника. Хотя нет,

Иван Сергеевич уже умчался. Полагаю, он поспешил к Обоймову.

— Путаетесь вы что-то в показаниях, — строго заметил полицейский. — То Клюев рядом, то его нет. Скажите честно, возгорание — ваших рук дело?

— Назовите хоть одну причину, по которой я могла поджечь гримваген и убить Свету Мускатову. Вы меня задерживаете? — осведомилась я

— Нет, — буркнул парень.

— Тогда, простите, я пойду. Больше мне нечего сказать, — отрезала я и направилась к двери.

— Степанида, нам придется еще не раз встретиться! — крикнул мне в спину Бочкин. — Сейчас я отпускаю вас, но это ненадолго!

Я, решив более не общаться с дураком, вышла в коридор, набрала знакомый номер, услышала: «Работает автоответчик» и сурово сказала:

— Михаил, ко мне пристаёт полицейский, который, как и ты, носит белые носки с коричневыми сандалиями. Отвратительно прилипчивый тип! Он намерен обвинить меня в поджоге гримвагена и убийстве актрисы, которая в нем находилась. Срочно перезвони.

Потом я двинулась по коридору, но через пару метров остановилась, опять достала телефон, набрала еще один номер и вновь пообщалась с автоответчиком:

— Игорь Сергеевич, вас беспокоит Степанида Козлова. Понимаю, что вы не занимаетесь делами о пожарах, но ваш коллега, Егор Михайлович Бочкин, считает, что я подожгла автобус, где хранились театральные костюмы. К несчастью, в огне погибла актриса Светлана Мускатова. Пожалуйста, позвоните мне, когда сможете.

Затем, слегка успокоившись, я продолжила свой путь. Ну, Егор Михайлович, посмотрим, как вы станете разговаривать со мной после того, как вам надают

пинков начальник особого подразделения Якименко и его верный Санчо Панса Михаил Невзоров. Думаю, для вас будет неприятным сюрпризом узнать, кто состоит у Козловой в друзьях¹.

Я завернула за угол, налетела на стройного мужчину в джинсах и постаралась не измениться в лице. Вот только Петра, любимого сына Софьи Борисовны, мне сейчас не хватало!

— Здравствуй, Степа, — обрадовался Петр. — Куда спешишь?

— Хочу побыстрее очутиться дома, — изо всех сил пытаясь быть приветливой, сообщила я. — У меня ремонт.

— Давай подвезу? — предложил Петя. — Разрешешь послужить тебе шофером?

— Может, в другой раз? — лицемерно улыбнулась я. — Для ремонта надо кой-что купить, я договорилась с подружкой прошвырнуться по магазинам.

Софья Борисовна приятная дама, которую не хочется огорчать. Но это не значит, что я буду кокетничать с ее отпрыском, который не вызывает у меня никакого интереса. Иратов носит усы и бороду, а мне не нравятся мужчины с растительностью на лице. К тому же Петр бреет налысо голову и, на мой взгляд, выглядит смешно. Он уже несколько раз пытался позвать меня на свидание, но я вежливо отказываюсь. Надеюсь, он сообразит наконец: от меня лучше отстать.

С лица Петра медленно сползла улыбка. И тут в моем кармане запищал сотовый. Я вытащила трубку, увидела на экране слово «Миша» и лихо соврала:

— А вот и Маша! Алло, привет!

---

¹ О том, как Степанида подружилась с Якименко и Михаилом, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Клеопатра с парашютом», издательство «Эксмо».

— Чего у тебя? — забыв поздороваться, заорал приятель.

Я чуть отстранила мобильный от уха.

— Ну сколько раз тебя просить можно... Не кричи, пожалуйста.

— Я говорю тихо! — завопил Михаил. — Шуршу мышкой!

Я покосилась на стоящего неподвижно Петра.

— Машенька, встречаемся, где договорились, в «Красном лимоне».

— Что? Какая Машенька? Эй, ты лака для волос нанюхалась? — зашумел Невзоров.

Но я уже нажала на красную кнопку и зачирикала:

— Мне пора. Подружка нервничает.

— Давай попьем кофе завтра, — не дрогнул Петр.

Ну что делать с человеком, который не понимает намеков?

— Люди!! — завизжали вдруг в дальнем конце коридора. — Она тут! Спасите! Помогите!

Мы с Петром, не сговариваясь, побежали на крик. Поняли, что он несется из-за двери с табличкой «Склад», влетели в комнату, посередине которой стояла гладильная доска, увидели костюмершу Олю и хором спросили:

— Что случилось?

Ольга указала в глубь помещения.

— Она там! Там она!

— Налей ей воды, — приказал Петр, — вон бутылка. Ольга, что с тобой?

— Там! Там! Там! Она! Она! Она! — как всегда, косясь в сторону, твердила с безумным видом Таткина.

— У нас снова беда? — спросила запыхавшаяся Софья Борисовна, входя на склад.

— Кто шумит? — осведомился шагавший за ней Егор Бочкин.

— Там Светка... — наконец-то выговорила членораздельную фразу костюмерша. — Мускатова мертвая... на диване валяется... Там, за кринолинами!

— Мускатова? Светлана? — переспросил полицейский. — Маловероятно. Данная гражданка погибла вчера при пожаре гримвагена. Или у вас в коллективе есть ее полная тезка? В театре две Светланы Мускатовы?

Софья Борисовна обняла Олю и стала гладить ее по плечу.

— Успокойся, душенька, тебе привиделось. Нет у нас двойников! Олечка очень эмоциональная, как все актрисы.

— Так она тоже на сцене выступает? — перебил Егор. — Почему тогда с утюгом стоит?

— Потому что для Оленьки пока ролей не нашлось, — закудахтала Иратова, — вот ей и пришлось костюмершей работать, чтобы с голоду не умереть.

— Это все, что вас заинтересовало? — накинулась я на Егора. — Почему Таткина одежду в порядок приводит? Не желаете пройти в глубь склада и посмотреть, чей труп лежит на диване? Или хотите, чтобы я обстановку разведала?

— Я с тобой, — мигом заявил Петр.

— Никто никуда не пойдет! — распорядилась Софья Борисовна. И пояснила: — Пять лет назад мы ставили пьесу «Убийца приходит в полдень», и Лев Яковлевич позвал в качестве консультанта полковника с Петровки. Умнейший человек! Не Лева, а тот мужчина из уголовного розыска. Отлично помню, как он говорил: «Никогда не затапывайте и не залапывайте место преступления». Надо позвать полицию.

— Она уже тут, — напомнила я, — но особо не торопится.

Егор покраснел. Ольга высвободилась из объятий Софьи и жалобно попросила:

— Воды...

— Где стакан? — завертел головой Петр. — Бутылку вижу.

Костюмерша облокотилась о гладильную доску и попыталась объяснить:

— Посуда в... А-а-а-а!

От вопля Таткиной у меня заложило уши. Софья Борисовна уставилась на что-то за моей спиной и стала быстро-быстро креститься, приговаривая:

— Господи, господи...

Петр попятился к матери, а потом по-детски юркнул за ее спину.

— Дайте воды, — прохрипел сзади знакомый голос. — Ох, как же мне плохо!

Я обернулась и взвизгнула:

— Света!

Мускатова в мятых блузке и брюках, с всклокоченными волосами и размазанным по лицу макияжем поморщилась:

— Умоляю, тише. Что вы так орете? Который час? Спектакль еще не начался?

— Кккакой сспектакль? — прозаикалась Софья Борисовна, хватаясь за сердце.

— «Ромео и Джульетта», — простонала Светлана. — Не знаю, как на сцену выйду. Роль на фиг забыла, ноги подкашиваются...

— Ты жива? — прошептала Оля Таткина.

— Вроде да, — пробормотала Мускатова, — но чувствую себя так, будто меня из бетономешалки извлекли.

Я попыталась объяснить ей, что произошло:

— Светочка, спектакль вчера прервали из-за вашей... э... кончины.

— Как прервали? — изумилась Света. Потом до нее дошел смысл сказанного. — Из-за чьей смерти?

— Актрисы, исполнявшей роль кормилицы, — объявил Егор.

Мускатова схватилась за виски.

— Ой, моя голова... Сейчас череп лопнет... Перестаньте идиотничать, я жива. Вы меня разыгрываете, да?

— Как вы оказались здесь на диване? — задала я вполне логичный вопрос.

— Стоп! — приказал Бочкин. — Вопросы задаю я. Все идут в кабинет главного режиссера. В театрах за кулисами, как правило, есть местное радио. Тут оно есть?

— Да, — пискнула Таткина.

— Объявите, чтобы к Льву Яковлевичу явились все, включая тех, кого уже успели допросить, — распорядился Егор.

ГЛАВА 5

Примерно через полчаса, влив в Светлану литр крепкого кофе с сахаром, мы выяснили, что произошло.

Вчера, когда зазвенел звонок для артистов, Мускатова поспешила в свою гримуборную, чтобы надеть сценический костюм. Света играет кормилицу, та появляется не в первой картине, время у актрисы было. Она вошла в свою примерку и увидела, что штанга, на которой должно висеть платье, пуста.

Костюмерша Оля по неизвестной мне причине невзлюбила Свету и всячески старалась ей нагадить. Незадолго до начала спектакля актриса заглянула в уборную Розалии Марковны, застала там меня, убиравшую раздавленные примой палетки, и пожаловалась на

Таткину. Та на премьерe «Ромео и Джульетты» принесла костюмы всем артистам, забыв про наряд кормилицы. А когда Мускатова высказала свое возмущение, закартила истерику и воскликнула:

— Сама иди за нарядом, если недовольна моей работой.

Пожаловавшись на Таткину, Света пошла переодеваться. Она надеялась, что Ольга образумилась и приготовила костюм кормилицы. Но, как уже говорилось, его в гримерке не обнаружилось — костюмерша объявила актрисе бойкот. Мускатова разозлилась и решила отчитать нахапку. Однако от стресса ощутила спазмы в желудке, захотела пить и тут увидела у зеркала чашку капучино. Сразу опустошила ее, а потом отправилась в туалет. Когда вернулась, на столике у зеркала стояла новая порция обожаемого ею напитка. Актриса, подумав, что о ней позаботилась Софья Борисовна, выпила и ее.

Та, увидев коллегу, спросила у нее:

— Почему ты такая бледная?

— Всю ночь под одеялом провертелась, бессонница напала, — вздохнула Светлана. — А сейчас глаза слипаются, самое подходящее состояние для спектакля.

— Я попрошу Витю сделать тебе кофейку, — засуетилась Иратова.

— Не надо, — поморщилась Мускатова, — в нашем буфете редкостная растворимая гадость.

Иратова улыбнулась:

— Нет, по моей просьбе он тебе настоящий кофе сварит, из зерен.

Понятное дело, увидев первую чашечку, Светлана вспомнила эту беседу и с удовольствием выпила капучино.

Услышав Светины слова, Иратова смущенно забормотала:

— Ох, не очень красиво я поступила... Ведь пообещала принести Свете хорошего кофе и забыла. Пошла в буфет, но по дороге встретила Обоймова, и тот потребовал, чтобы я немедленно зашла к нему поговорить об «Отелло». Вот и запомнила про кофе!

Мускатова пожала плечами и продолжила рассказ.

Напившись капучино, она направилась в вотчину Таткиной. В коридоре ей неожиданно стало дурно — закружилась голова, задрожали ноги. Света испугалась, что упадет в обморок, и, чтобы попросить о помощи, толкнула первую попавшуюся дверь. Поняла, что очутилась в костюмерной, хотела позвать Олю, но не смогла произнести ни слова. Дальше ее воспоминания были весьма отрывочны. Вроде она прошла в глубь комнаты... увидела диван за штангой, где висели кринолины... упала на него, затем темнота...

— Так, кто где был, когда объявили о пожаре? — сурово спросил Егор Бочкин, обводя присутствующих тяжелым взглядом.

— Я был на сцене, — занервничал Ершов. — Ваня выбежал из-за кулис, опоздал на выход. Розка от злости посинела.

— А тебе понравится, если твой партнер вовремя не появится? — огрызнулась Глаголева.

— Иван повернулся к залу лицом, улыбнулся. Зрители увидели клыки и со стульев попадали, — вещал Григорий Семенович. — Мне Ванькина хохма не понравилась, глупо он пошутил. Сам, правда, понял, что сьидиотничал, и живо за кулисы смылся. А Розалия ржать принялась.

— Не сдержалась, — призналась наша Джульетта. — Очень уж у Клюева кретинский вид был!

— Глаголева следом за ним удрала, — перебил ее Ершов, — я остался один. Стал вызывать кормилицу. Ей

полагалось чуть позже появиться, но спектакль надо было спасать. Я боялся, что Светка еще в гримерке, она всегда опаздывает, в последнюю секунду выскакивает. Безответственный человек!

— А ты лысый дурак! — обиделась Мускатова. — Думаешь, хорошо сейчас в берете смотришься? Какого черта его нацепил?

— Моя голова, что хочу, то и ношу, — надулся Ершов.

Полицейский повернулся ко мне:

— Где находились вы?

— За центральным задником, вместе с Софьей Борисовной, — ответила я.

— Я к ним со сцены подошла, — подхватила Розалия. — Но более ничего не помню, потому что никак не могла успокоиться, перед глазами Иван стоял со своими вампирскими клыками. Анекдот просто!

— А где в тот момент были другие исполнители? — напрягся Егор.

— Ведь мы уже объяснили вам, — с высокомерием вдовствующей королевы вымолвила Глаголева. — Я подошла к Соне и Степаниде. Я самая главная, другие вас не должны интересоваться.

Я удивилась. Надо же, мадам, оказывается, помнит мое имя!

— Гриша был на сцене, — продолжала Розалия Марковна, — Ваня психанул и помчался к Лева в кабинет. Непрофессионально он поступил. Что бы ни случилось, артист обязан продолжать спектакль. Вот у меня в начале мая пропала любимая зажигалка, подаренная президентом. И что? Я не дрогнула, отработала пьесу. А погоревала потом. Ваня же полетел Обоймову жаловаться, наплевал на зрителей. Ему надо объявить вы-

говор, так актеры себя не ведут. Наш девиз: умирай, а спектакль спасай.

— Для тех, кто не в курсе, уточню: огниво госпоже Плаголевой преподнес не президент России, а глава компании «Лучшие доски для забора», — захихикал Ершов.

— Какая разница? — всплеснула руками прима. — Это был мой любимый аксессуар из чистого золота с бриллиантами!

— Железка со стекляшками, — вновь не удержался от замечания Григорий Семенович.

— Твой берет натуральное уродство, — парировала Розалия. — Выбрось его.

— Спокойно! Пожалуйста, не отвлекайтесь! — попросил следователь. — Насчет вас я понял. А остальные? Я не очень разбираюсь в Шекспире, но вроде в «Ромео и Джульетте» полно народа: слуги, например, друзья Ромео, родители, король...

— Герцог, — поправила я.

— Лева сократил количество действующих лиц, — пояснила Софья Борисовна, — в его постановке остались Ромео, Джульетта, Лоренцо, кормилица и Меркуцио.

— Да? — удивился полицейский.

— Современная трактовка, — ухмыльнулась я.

— Хорошо, — кивнул Егор. — Я не понял, где стоял Меркуцио.

— Он мяукал в клетке! — воскликнула Розалия Марковна.

— Меркуцио — кошка, — я поспешила ввести Бочкина в курс дела. — Если хотите допросить животное, его можно принести. Извините, у меня вопрос. Вернее, несколько.

— Задавайте, — сквозь зубы процедил Егор Михайлович.

Я повернулась к Светлане:

— Все в театре знают, что вы постоянно пьете кофе. Мускатова моментально ощетибилась.

— Ничего дурного в этой привычке нет. Кому плохо от моей любви к арабике?

Я спросила:

— Уйдя вчера от меня, вы направились в свою гри-мерку?

— А куда еще? Не в баню же! — вспыхнула Мускатова.

— В буфет за кофе не забегали? — продолжала я.

— Хотела, но времени слишком мало оставалось, — ответила Света.

— Откуда тогда в вашей гримуборной взялся капучино? — выпалила я. — Иратова сказала, что она вам ничего не приносила.

Сразу стало тихо. Потом Ершов демонстративно хлопнул в ладоши:

— Браво, девочка! Светка, тебя поймали на вранье.

— Я не лгу! — возмутилась Мускатова. — Никогда!

Розалия Марковна закатила глаза:

— Смешно это слышать! Ты вроде хвасталась, что на майские летала в Париж?

— Верно, смоталась на три дня, — вздернула подбородок Мускатова, — на шопинг.

Глаголева прищурилась:

— Да ну? А кого же я второго мая в дисконт-центре на МКАДе видела? Наша Светочка, которая якобы всегда говорит правду, покупала там вышедшее из моды барахло по бросовой цене. Твой Париж, милочка, неподалеку от кольцевой автодороги находится.

Лицо Светланы вытянулось, она растерянно заморгала.

— Поймали лису за хвост, — заржал Ершов. — Роза, скажи на милость, а что ты сама в аутлете делала?

Розалия Марковна порозовела.

— Я не приобретаю вещи на помойках, если ты на это намекаешь. Отправилась понаблюдать за людьми, как велел гениальный Станиславский. Ты, Григорий, алмаз из народа, на сцену прямо из таксопарка попал, не слышал о тонкостях актерской профессии. А я обучалась в лучшем театральном институте Москвы, нам читали лекции великие люди — Серафима Бирман, Алла Тарасова, Михаил Яншин. Они советовали студентам: «Идите в народ и там напитывайтесь эмоциями». То же велел и Альберт Вознесенский, в труппе которого я имела честь служить искусству, играла Катарину в «Укращении строптивой».

— Я никогда не скрывал, что подрабатывал извозом, — фыркнул Григорий Семенович. — И я, кстати, имею диплом театрального училища. Но, Роза, дорогая, Бирман и Яншин скончались в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году, а Тарасова ушла из жизни на три года раньше. Как же ты, если тебе намедни исполнилось тридцать пять, могла сидеть у них на семинарах?

Теперь Софья Борисовна закатила глаза.

— Господа, хватит! Подумайте, какое впечатление вы производите на Егора Михайловича!

— Степанида обвинила меня во лжи! — закричала Света.

— Нет, я имела в виду совсем иное. Если вы не брали в буфете кофе, то кто его принес? Вам стало плохо вскоре после того, как вы его выпили. Вдруг в него подсыпали снотворное? Или какое-либо другое лекарство?

— Зачем? — растерялась Мускатова.

— Понятия не имею, — пожала я плечами. — Например, кто-то хотел, чтобы вы заснули.

— Бред! — решительно отрезала Розалия. — Кому Мускатова нужна?

— Где пустая чашка? — наконец-то подал голос полицейский.

— Наверное, все еще там, в моей примерке, — ответила Света. — Я ее не уносила, а наша новая уборщица фантастическая лентяйка.

— Нормальная женщина, — неожиданно встала на защиту труженицы метлы и тряпки Розалия Марковна, — кстати, моя фанатка.

— Пойду поищу чашку... — сказала Оля и вышла из кабинета.

— А где Иван Сергеевич? — запоздало удивилась Глаголева. — Почему его нет?

— Клюев поехал к дантисту, ему срочно надо рот в порядок привести, — зачастила Софья Борисовна.

— До сих пор ты за него грудью встаешь, — негодобрительно заметил Григорий Семенович. — Даже несмотря на то, что Ванька тебя бросил и на молоденькой женился.

— После развода можно и нужно оставаться друзьями, — возразила Иратова.

— Чашки нет, — сообщила костюмерша, появившись на пороге.

Розалия Марковна всплеснула руками.

— Куда же она делась? Хотя... Может, никакого кофе и не было вовсе?

— На что ты намекаешь? — нахмурилась Светлана.

— Ну... может, капучино тебе приснился, — сладко пропела Глаголева.

Глаза Мускатовой превратились в шелки, нос за-

острился, губы сжались. Я сообразила, что сейчас разразится скандал, и подняла руку.

— Есть еще один вопрос!

— Надеюсь, последний, — буркнул Егор.

— Да, — пообещала я. — Светлана жива...

— Девочка, не глупи, — перебил меня Ершов, — в твоём вопросе нет смысла.

— Так я еще не задала его, — смиренно продолжала я. — Если Мускатова с нами, то кто погиб в гримвагене?

Присутствующие уставились на меня, затем одновременно повернули головы в сторону Бочкина.

— Ой, я еще одного не понимаю! — воскликнула я. — Почему все решили, что сгорела именно Света?

Полицейский с шумом выдохнул и хмуро глянул на Софью Борисовну.

— Это же вы установили личность погибшей?

Иратова прижала руки к груди.

— Нам сначала велели сидеть в служебном буфете, там все и собрались. Гриша, Ваня, Розалия, Оля, Степанида и я. Где был Лев Яковлевич, не знаю. Публику вывели через центральное парадное. Полыхало в служебном дворе, поэтому зрители ничего страшного не видели. Иван Сергеевич... э... слегка устал.

— Он коньяком наливался, — уточнил Ершов.

— А ты ему компанию составил, — не упустила момента воткнуть коллеге спицу в бок Розалия Марковна.

Софья Борисовна умоляюще посмотрела на нее.

— Роза, прошу тебя, не заводись. Погиб человек, это трагедия, давайте говорить серьезно. Да, Ваня и Гриша немного выпили, но в данном случае это простительно, не каждый день такое бывает. Мужчины эмоциональны, они перенервничали, вот и сняли стресс. Когда к нам вошел пожарный и спросил, кто может взглянуть на останки, пришлось идти мне. Розалия отказалась,

Гриша с Ваней в подпитии, Степанида недавно в театре работает, она не со всеми знакома. А Оля... Ну, она...

— Просто дура, — отчеканила Плаголева. — Соня, деликатная ты наша, один раз выскажись, как все, без причитаний, сюсюканья и демонстрации любви ко всему человечеству, включая мышей и тараканов. Таткина идиотка!

— Что я вам плохого сделала? — заплакала костюмерша. — Почему вы меня ненавидите? Ко Льву Яковлевичу ходили, велели меня уволить... Чем я вам не угодила? Да, я хочу получить роль, но вас не подсиживаю, смирно жду, когда Обоймов пьесу поставит, где найдется крохотный эпизод для меня. На титул примадонны не претендую! Мне вот обещали в «Отелло» эпизод... Я справлюсь, я постараюсь, я смогу!

Софья Борисовна обняла Таткину.

— Успокойся, душенька. Розалия Марковна тебя любит. Просто у всех нервы на пределе, вот и вспыхивает скандал.

Продолжая держать костюмершу в объятиях, Иратова обратилась к Егору:

— Олюшка во время появления брандмайора заснула в кресле, и мне не хотелось ее будить. В общем, я вызвалась на тело взглянуть, хоть и страшно было. Сразу поняла, что это Света погибла.

— Почему вы пришли к такому выводу? — оживился Егор.

Актриса опустила голову.

— Верхняя часть трупа была прикрыта брезентом, наружу торчали только ноги. Господи, не дай бог еще раз подобное узреть! Черные такие, туфли обуглились. Я чуть сознание не потеряла. И этот запах...

Софья Борисовна передернулась. Присутствующие

смотрели на нее во все глаза, а я опять не удержалась от вопроса:

— Как же все-таки вы поняли, что перед вами останки Светланы? Огонь сильно изуродовал тело, одежда сгорела...

Иратова на секунду растерялась.

— Да, верно, от тряпок ничего не осталось. Но пожарный мне сказал: «Подумайте, кого нет за кулисами, кто отсутствует?» И я сообразила: кормилица не появилась на сцене вовремя. Светлана как в воду канула! Потом гляжу — корзинка. У Мускатовой по роли должна быть в руках такая, а в ней термос. А около трупы стояла корзиночка!

— Как, — вскинул брови Егор, — она не сгорела?

— Корзинка сплетена из металлических прутьев, — пояснила Софья Борисовна, — она лишь слегка покоробилась. Мне и стукнуло в голову сразу: боже, Светочка погибла. Мускатова у нас недавно работает, но я ее успела полюбить. Помнится, заплакала, глядя на останки. Ну, вот так и получилось.

— Тебе следовало на лицо посмотреть, — запоздало посоветовал Григорий Семенович.

— Да, конечно, — кивнула Иратова. — Но я не испытывала такого желания. Сказала пожарному: «Думаю, это наша актриса Мускатова, но надо бы, наверное, взглянуть на лицо». А он ответил: «Не стоит, зрелище не для слабонервных». Я чуть сознания не лишилась от ужаса, когда поняла, о чем он.

Пожилая актриса снова передернулась и продолжила:

— Но ведь ответственность какая! Я предупредила брандмайора: «Не могу стопроцентно подтвердить, что это Светлана». А он меня успокоил: «Окончательно

личность погибшей установит эксперт, ваши показания мне для формальности нужны. Вот тут подпишите».

— Так кто же сгорел? — напрягся Ершов. — Все артисты живы.

— Очевидно, кто-то из техперсонала, — буркнула Розалия.

— Нет, — неожиданно возразила предпочитавшая все это время молчать Ольга, — ведь погибла женщина. В театре рабочий сцены и осветитель — мужики. И они в полном порядке, сидят в своей комнате отдыха у телика, ждут, когда их полиция опросит. Егор Михайлович начал с актерского состава.

— Буфетчица? — предположил Бочкин.

— У нас буфетчик, Витя, — пояснил Григорий Семенович.

— Может, погибла вахтерша, которая у служебного входа сидит и посторонних не пускает? — предположил Егор.

— Там нет охраны, — вздохнула Софья Борисовна. — Понимаете, мы небольшой коллектив, зал крохотный, есть материальные трудности. Раньше у служебной двери сидела пенсионерка, последней была Наина Федоровна, очень милая пожилая дама, но Лев Яковлевич ее сократил. А на замену ей директор никого не взял.

— Гримерша? — перебил следователь.

Светлана бесцеремонно ткнула в меня пальцем.

— Она жива! Есть еще две девчонки, но они в «Ромео и Джульетте» не заняты. Лев Яковлевич собрался «Отелло» ставить, вот там штатные гримерши понадобятся, Степанида работает только на французском проекте.

— Верно, — согласилась я. — Вообще-то гримиро-

вать актеров в этот раз собирался сам Франсуа, но его подкосил грипп.

— Короче, в театре среди техперсонала есть женщины? Да или нет? — потребовал конкретного ответа Егор Михайлович.

— Нет, — уверенно заявила Розалия Марковна. — О, я знаю, кто сгорел! Это фанатка! У Вани и Гриши много поклонниц, они своих кумиров во дворе поджидают после спектакля, дарят им конфеты, сувениры, цветы. Эти бабы способны на что угодно! Вот одна из них и забралась в гримваген.

— Зачем ей туда? — хмыкнул полицейский.

Глаголева закатила глаза.

— Вам этого не понять! Может, захотелось дуре подержать в руках костюм Вани или поцеловать ботинки Гриши.

— Скажешь тоже... — смутился Ершов.

Розалия Марковна закинула ногу на ногу.

— Забыл, как Вероника твою машину голой мыла?

— Когда это было, лет десять назад, — отмахнулся Ершов. И пояснил для Бочкина: — Я снялся в телемыле и обзавелся почитательницей, у которой не все дома. Эта Вероника сначала скромно просила меня программку подписать, затем стала игрушки дарить, конфеты, коньяк. Я ее попросил не тратить деньги, объяснил, мол, неудобно мне от женщины дорогие презенты принимать, не по-джентльменски как-то...

— Ага, гусары денег не берут, — фыркнула Розалия.

— Фу! Пошлый анекдот про поручика Ржевского давно состарился, — съязвила костюмерша.

Похоже, тихоня Таткина здорово разозлилась на Глаголеву и решила не давать спуску своей обидчице.

Ершов повысил голос:

— Вероника расплакалась и спросила: «Неужели я